

\ ЦВЕТЫ ИЗ АРМАТУРЫ \

REC

123
406TX

МЫ СЕГОДНЯ
НЕ УМРЕМ,
ПРИХОДИ
ЗАВТРА

98 05 16

11A

12

18+

От автора бестселлеров
«Парни из Манчестера»
и «Лондонский туман»

11A

K

00TX

02
11A

02

11A

02

450

11A

400TX

Саммер Холланд

Саммер Холланд
Мы сегодня не умрем,
приходи завтра
Серия «LAV. Саммер»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74489226

*Саммер Холланд. Мы сегодня не умрем, приходи завтра: АСТ; Москва;
2026*

ISBN 978-5-17-190153-0

Аннотация

1998 год

Лидс, Англия

Район Бистон, и без того задыхающийся от безработицы из-за закрытых фабрик, разрывают бандитские войны. Молодые парни из разных кварталов делят территорию, вооруженные ножами, кулаками и цветистым языком.

Молодой бандит Феликс Ниббс из «Жнецов Коттингли» влюбляется в первый раз в жизни. У Лили Пакстон огромные зеленые глаза, тонкие пальцы и грубый, почти мужской смех. Когда он видит ее, с дерзостью во взгляде и словах, у него в душе распускаются самые красивые цветы.

Два мира сталкиваются, и жизнь затягивает Феликса и Лили в вихрь трагичных событий, неправильных решений

и непреодолимых чувств. Грубые и нежные, решительные и сомневающиеся, они столкнутся с суровой реальностью криминального мира, в котором любой неверный шаг может обернуться катастрофой.

Содержит нецензурную лексику.

Содержание

Lily's playlist	7
Пролог	8
Глава 1	15
Глава 2	26
Глава 3	37
Глава 4	50
Глава 5	60
Глава 6	74
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Саммер Холланд

Мы сегодня не умрем, приходи завтра

© Саммер Холланд, текст

© Анастасия Рындина, иллюстрации на форзацах

В оформлении использованы материалы по
лицензиям © shutterstock.com

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Lily's playlist

Nuxx – Born Slippy
Roni Size – Brown Paper Bag
Garbage – Dumb
Massive Attack – Teardrop
Portishead – Glory Box
Tricky – Money Greedy
Nirvana – Smells Like Teen Spirit
Placebo – 36 degrees
The Chemical Brothers – Block Rockin' Beats
Dick Dale & His Del-Tones – Miserlou
Radiohead – No Surprises
Lynyrd Skynyrd – Free Bird
PJ Harvey – Is This Desire?
Joy Division – Love Will Tear Us Apart
Spice Girls – Wannabe
The Cure – Boys Don't Cry
Radiohead – Exit Music (For a Film)

Пролог Феликс

Март 1998 года

Бистон-роуд

Доктор Чен тяжело вздыхает, когда мы появляемся на пороге. Он уже понимает, что это значит, и точно не испытывает счастья при виде таких клиентов. Упрямый старый болван.

Не знаю даже, действительно ли Чен – доктор. Он стоит за прилавком в белом халате, очки на покрытом пигментными пятнами носу, сосредоточенное морщинистое лицо, но все это может быть таким же обманом, как «Профессор Домкрат» на автомастерской. Я узнавал, Домкрат еле школу закончил. Ни хера он не профессор.

– Добрый день, – явно перебарывает себя Чен. – Чем могу помочь?

– Не нам, – мгновенно вскидывается Роб, – не нам, старичок. Сегодня тебе нужно помочь себе.

Я придерживаю его за рукав, не давая заводиться. Мало

того что горячая кровь нас ни к чему не приведет, так потом у Роба еще могут возникнуть проблемы со сбором денег. Вечно он так: сначала со всеми грызется, а потом как-то налаживает то, что сам испортил. Правда, в большинстве случаев получается, но все равно не стоит рисковать.

– Доктор Чен, – подбираю самый мирный тон я, – вы уже знаете, для чего мы здесь. Мы назначали дату и пришли услышать ответ.

Его лицо мрачнеет сильнее. Не знаю, на что он надеялся – что мы зашли за витаминками? Вчетвером? С оружием?

– Наше предложение пока в силе, со скидкой. Сто фунтов в неделю, и вы можете рассчитывать на защиту.

– Это всего сотка, док, – весело добавляет Джей.

Взгляд Чена в панике мечется между нами. Он останавливается на Джее, который больше всех нас похож на разумного человека. Это все очки: Джей носит их со средней школы. Когда не открывает рот, можно принять его за ботана. Там еще и широкие бока вместе с пухлыми щеками дополняют образ.

И все же зря люди позволяют себя обмануть. Джей тупее винной пробки, и это одна его сильная сторона. Вторая – умение обращаться с ножом.

– Это очень дорого, – наконец выдавливают Чен. – Я не могу себе позволить.

– Мы знаем, что это не так, – качаю головой я. – Вы и больше можете, просто мы не жадные.

Не хотелось бы разносить его аптеку: она мне нравится. Чистенько, особенно для Бистона, аккуратно, и даже доктор Чен вполне приятный старичок. Но бизнес есть бизнес, и если он останется единственным на улице, кто позволит себе не платить, другие тоже не станут.

Кемал отлепляется от стены и встает у меня за плечом. Я легко киваю, позволяя сказать все, что он хочет.

– Давайте мы напомним, насколько щедро наше предложение, – с улыбкой коммерсанта произносит он. – За сто фунтов в неделю вы получаете отсутствие проблем с граффити, взломами и грабежами, случайно перехваченными поставками, таинственными проверками. И конечно, мы защитим вас от отвратительных уличных банд, которые занимаются незаконной деятельностью по всему Лидсу.

– А если что-то из этого произойдет? – дрожащим, но уверенным голосом уточняет Чен.

– Ни в коем случае, – еще шире улыбается Кемал. – Это невозможно.

Он, как всегда, хорош: хватает улыбки и пары слов, чтобы захотелось отдать ему первенца. Если бы этот парень организовал секту, за ним пошли бы тысячи. К счастью, он не заинтересован.

Доктор Чен достает из кассы деньги и кладет на прилавок, тут же накрывая морщинистой рукой. Глаза опасно прищуриваются, а по лицу видно: внутри идет ожесточенная борьба.

– Какие гарантии дает ваше... предприятие? – упрямо повторяет он.

– Все, что перечислено, – наша ответственность, – делаю шаг вперед я. – Если вы платите, никто не имеет права тронуть вашу аптеку. А если посмеет, мы разберемся с ним сами и вернем ущерб.

Звучит как рекламный слоган, но суть не в защите дурацкой аптеки. Это наша улица, и если мы позволим какому-нибудь нарику испортить себе репутацию, бизнес рухнет.

Наш бизнес.

Остальные молчат. Доктор Чен испытующе смотрит на меня, а потом, не отрывая взгляда, придвигает купюры ближе и поднимает руку. Я еле сдерживаю победную улыбку и киваю Робу, чтобы забрал деньги.

– Мы будем заходить по четвергам, – обещаю Чену. – С вами приятно иметь дело, док.

Он не может ответить взаимностью, но в ней нет необходимости. Нам нужно согласие, покорность и осознание: то, что мы пришли лишь вчетвером, – акт исключительной вежливости. «Молодые стволы» и «Кирпичи» не были бы настолько благородны. Мысль, которую стоит усвоить каждому торговцу на улице.

Теперь, когда доктор Чен сдался, мы делим район на три части, неохваченных магазинов не остается. И вот тут начинается проблемная часть.

Мы выходим из аптеки, подставляясь первому весеннему

теплу, и двигаемся вниз по улице. Роб и Джей тут же с облегчением принимаются болтать о том, как просто все получилось. Кемал идет рядом со мной молча.

– «Кирпичи», – говорю себе под нос я.

– «Кирпичи», – понимающе кивает Кемал.

Больше слов не нужно. «Кирпичи» – та банда, что делит с нами Бистон-роуд: мы забрали правую часть, они – левую. Нам тесновато, и поэтому вопрос, будет ли драка, считай, решенный.

О том, что наверху той же Бистон-роуд лютует ямайская банда «Молодые стволы», я пока стараюсь не думать. Одна проблема за раз.

– Мы справимся, – как всегда, читает мои мысли Кемал. – Я слежу за ними не первый день, и есть ощущение, что они работают очень вяло и даже нехотя. По сравнению с нами, конечно.

– На крайний случай есть Тристан.

– Ядерная бомба, – улыбается тот. – Надеюсь, этот крайний случай никогда не настанет.

Чтобы вернуться домой, мы спускаемся вниз по дороге, проходя мимо старых одноэтажных зданий. Аккуратные, хоть и разношерстные заборы, садовые лавки в крошечных двориках, ровные и не очень газоны. В окнах сдвигаются занавески, и скрытые за стеклами глаза наблюдают за нашим неторопливым движением. Я привык к неодобрительным взглядам и уже не реагирую на них. Достаточно того,

что местные научились молчать, наконец запомнив: это – лучший способ остаться целыми.

Они называют нас бандой. Пусть. Конечно, похоже на то, что мы обычные идиоты с ножами, и никто не заглядывает дальше них, но по большому счету плевать. Местные могут вешать любые ярлыки, какие только захотят, если им так легче. Лишь бы не лезли под руку.

Одинаковые ряды домов на аллее Кроу-Нест заканчиваются, и нам наконец открываются родные высоты. Две башни Коттингли, по двадцать пять этажей в каждой, возвышаются над зеленым полем, как нерушимый оплот социального жилья. Грязные внутри и снаружи, с крохотными окошками, похожими на бойницы. С продольными полосами, которые хоть и притворяются красным кирпичом, но на самом деле такая же фальшивка, как сюртук на свинье.

Наш родной дом – по соседству с крематорием.

Из нас семерых там живут пятеро. Еще двое – в таунхаусах ниже по улице. Поэтому мы так называемся, «Жнецы Коттингли».

Название придумал Кемал – он построил целую сельскохозяйственную теорию из нашего рэкета. Клиенты сеют, мы пожинаем, или что-то еще похожее. Мне иногда сложно понять, что он говорит, когда его несет в политику или философию. Но здесь я уловил суть.

А Коттингли просто было слишком очевидно, чтобы не использовать.

Если Бистон находится на отшибе Лидса, как отлетевшее с трассы М621 говно, то Коттингли – отшиб даже для Бистона. Дальше было бы сложно забраться.

– Люблю этот вид, – вздыхает Кемал.

– Нечего тут любить, – отвечаю я. – Места хуже не придумаешь.

– Мне прямо сейчас приходит на ум несколько мест, которые намного хуже наших башен, – улыбается тот. – Новости включал? Там на Балканах жуть творится.

– Не буду проверять, чтобы сравнить. Но здесь точно нечего любить.

– Они смотрят на нас снизу вверх.

Я поворачиваюсь к Кемалу, но тот мечтательно уставился вдаль. Чертов романтик.

– Местные. Они стоят здесь, на земле, и видят нас снизу. Это наши башни. Как у гребаных лордов.

– А мы и есть аристократия, – отзывается сзади Роб.

– Лорды Коттингли, – со смехом добавляет Джей.

– И отсасывают нам только на коленях, – в тон ему говорит Роб.

– Так, лорды из муниципальных квартир, берем пиво и собираемся в восемь на крыше, – прибавляю шаг я. – Все.

Глава 1

Феликс

Май 1998 года

Коттингли Тауэрс, 17-й этаж

Ненавижу звук, с которым лезвие ножа проходится по точильному камню. Мерзкий, свистящий, от него кожа покрывается неприятными мурашками. Будь у меня любой другой способ поддерживать оружие в боевом состоянии, выбросил бы чертов камень в ту же минуту.

Визжание не заглушает мрачные мысли, наоборот, делает их хуже. С «Кирпичами» разобрались: кое-кто присоединился к нам, остальные сбежали в свои норылизывать раны. Чистая победа, даже слишком хорошая для нас. Порой кажется, что мы что-то упускаем.

Мне бы радоваться, как остальные парни. Минус конкуренты, теперь бы выкурить ямайцев, и Бистон наш. Но я не верю в такие быстрые успехи.

– Помнишь нашего тренера? – бурчу под нос я.

Говорю то ли с собой, то ли с Муром... Но тот все равно

слышит.

– А зачем ты сейчас о нем вспомнил?

Поднимаю голову, отвлекаясь от ножа. Мур, расслабленно развалившийся в кресле, как индийский раджа, смотрит на меня с ироничным вопросом в глазах. Его не прошибает ничего: он такой и в драке, и в пабе. Естественно, у меня в квартире он тем более чувствует себя как дома: мы дружим с детства.

– Он всегда говорил: когда забиваешь, нельзя терять голову. Главное – оставаться собранным и ждать ответа противника.

– А еще он говорил, что если будем трахаться с кем-нибудь, сохнем от СПИДа, – показывает белые зубы Мур. – Ты каждую его реплику вспомнишь?

– Что-то все равно не так. Мы слишком просто разделились с «Кирпичами».

– Они оказались пачкой дрочил, у которых из оружия – три ножа на толпу и куски чугунных труб для остальных, – пожимает плечами он. – Что нам, притворяться, что боимся?

В его словах есть правда, но до конца они не успокаивают. И все же я благодарен ему. Мур – или Даярам Мурти, как его называли учителя, – мой друг с восьми лет. Мы играли в одной футбольной команде, вместе сидели за партой, а когда на спортивную карьеру не хватило денег, взяли философа Кемала Яхию и пошли заниматься рэкетом.

Иногда кажется, что Мур со мной всю жизнь. И всегда он

такой: спокойный, с вечной улыбкой и легким отношением к миру. В нем есть все, чего не хватает мне самому.

– Фел, – он не дает мне вернуться к точильному камню, – пока все хорошо.

Я хмыкаю в ответ на нашу любимую фразу и перевожу взгляд к бубнящему телевизору. На экране как раз начинается очередная социальная реклама.

«Носишь нож? Ты носишь собственный гроб».

Правительству снова стало интересно, что мы делаем друг с другом. Ему насрать, что зимой старый Хансон с девятого этажа умер от холода. Насрать, что работы в Лидсе нет уже который год. Насрать, что наши родители не могут позволить себе новую одежду или даже нормальный чайник. Зато как лезть к нам в карманы, так они первые.

– Достали, – отвечаю я телевизору.

Если я не буду носить нож в Бистоне, гроб придется искать куда быстрее.

Мы с Муром стали бандитами не потому что посмотрели «Ребят с улицы»¹ и решили быть крутыми, а потому что после того, как школа с радостью избавилась от нас, мы оказались не у дел в «приличном обществе». Заводы вокруг закрылись еще пять лет назад, а в те, что до сих пор работали в городе, конкурс был выше, чем в сраный Оксфорд.

¹ Культовая американская криминальная драма 1991 года, без прикрас рассказывающая о жизни чернокожих подростков в гетто; затрагивает темы уличных банд, расизма и взросления.

Потратив два месяца на то, чтобы обойти улицы в поисках работы, мы были вынуждены организовать собственное дело. Тем более Кемал давно говорил, что так будет даже лучше: не придется пресмыкаться перед мелкими менеджерами, вроде тех, что чувствуют себя королями «Ко-опа».

Да, теперь нам приходится носить с собой ножи. Да, Бистон небезопасен, но это не мы сделали его таким. Нам не оставили выбора.

Стук в дверь вырывает меня из молчаливого спора с телевизором. Я замираю и прислушиваюсь: через пять секунд раздается второй.

Свои.

– Я открою, – поднимается из кресла Мур.

От Тристана, который бесцеремонно вваливается в комнату, пахнет свежей выпечкой. Он единственный из нас подрабатывает – в местной пекарне. В этом есть какая-то злая ирония: в школе его называли Багетом. Конечно, он избил каждого, кто позволил себе это, и почти выколотил прилипчивое прозвище из местных, но оно все равно его догнало.

– Я рано, да? – оглядывает комнату он. – Еще не шесть?

Едва уловимый французский акцент смешивается с чистым йоркширским говором, и всегда чувствуется, что этот парень немного не такой, как мы.

Правда, «немного» – это неверное слово. Тристан одновременно разделяет с нами жизнь простого мальчишки из Лидса и при этом выделяется, как чистопородный скакун. Я

сам до сих пор его не разгадал.

– Даже пяти нет, – отвечает Мур.

Он по-хозяйски машет Тристану, чтобы тот садился на свободное место, и снова поворачивается к телевизору.

– Так, что случилось?

Опустившись на пол и прислонившись к стене, Тристан мгновенно считывает настроение и смотрит на меня из-под нахмуренных бровей.

– У тебя лицо, будто кто-то умер.

Светлые всклокоченные волосы, так и не возмужавшее детское лицо и тощее телосложение – сущий подросток. И даже голос самый высокий из нас всех. Тристана обожают местные тетушки, которые считают его ангелочком.

Я видел его в деле. Не стал бы на их месте так ошибаться.

– Забей, – отвечает за меня Мур. – Фел тревожится.

– Почему? Я думал, у нас все отлично.

– Именно поэтому.

– Нет, не поэтому, – раздраженно отвечаю я. – А потому что все слишком отлично.

– Думаешь, в мире за каждым углом ждет подвох? – широко улыбается Тристан, но его лицо тут же перекашивается от боли. – Черт, забыл.

Он достает из-под куртки пакет, и теперь запах свежей выпечки расплзается по всей комнате. Я вспоминаю, что не ел ничего с самого завтрака. Забыл.

– Украл нам булочек, – буднично сообщает он и протяги-

вает пакет. – Берите, пока горячие.

– Уверен, что воровать еду с работы – хорошая идея? – спрашиваю я. – Тебя поймают, выебут и уволят.

– Так это отлично, должен же у меня где-то быть секс.

– Не прибежняйся, по пабам мы ходим вместе, – напоминает Мур. – Видел я, как у тебя нет секса.

– В пабе и не было еще.

– За пабом теперь не считается?

Их перепалка становится убаюкивающе привычной. Я тянусь к пакету и выуживаю оттуда две обжигающие булочки – их словно только что достали из печи.

Сомневаюсь, что Тристан расстроился бы из-за увольнения: оно не так уж много изменит в его жизни. Точно не сейчас, когда под нашим управлением оказалась уже большая часть Бистона.

Остались только ямайцы, но мы готовы выкурить их тоже. Тогда еженедельных взносов хватит и на нормальную жизнь, и на поддержание статуса в районе. Даже не представляю, чем мы займемся после, но сейчас и не нужно. Зачем тратить время на пустые мечты, пока следующая – и очень важная – ступень находится прямо перед носом?

– Кстати, а мы сегодня только по делу собираемся или паб тоже в программе? – отвлекает меня Тристан.

– Здесь – по делу. После собрания все свободны.

– Знаешь, приятель... Ты мне больше нравился до всей этой заварушки с «Кирпичами». Как-то ты был полегче,

что ли.

– Ты просто не видел его на футболе, – откликается Мур. – Когда доходит до дела, Фел сам себе в зеркало не улыбается.

– Может, попробуешь?

– Что именно? – с раздражением уточняю я.

– Улыбаться. Чувак, мы бандиты, а ты ведешь себя хуже, чем менеджер в пекарне!

– Блядь, – выдыхаю я и с силой провожу ножом по точильному камню. – Оставьте меня в покое, пока не придумаю, что делать с ямайцами. Потом – хоть десять баров!

– Тебе необязательно думать в одиночку, – раздается голос из коридора.

Естественно, эти двое не закрыли дверь. Я поворачиваюсь к Кемалу – слава богу, что не кто-то чужой, – и мрачно киваю вместо приветствия.

– Конечно, – соглашаюсь я. – Мы с тобой обязательно все перетрем.

– А нас не хотите спросить? – обиженно тянет Тристан. – Или мы тут так, на подхвате?

– Прекрати все, что ты сейчас начинаешь, – прошу я. – Дело совсем не в этом.

– В этом, в этом, – с улыбкой кивает Мур.

Он делает все только хуже.

Просто когда говорят слишком много человек, ничего толкового не выходит. Знаю, проходил уже с десятков раз: если нас семеро, мнений настолько дохера, что прийти к одно-

му посередине – значит потратить добрую неделю на споры и две неслучившиеся драки.

Хорошо еще Маккормак не пришел: этот и вовсе любитель сболтнуть что-нибудь исподтишка и смотреть, как поднимается новая волна споров.

Нет, лучше по-старому: мы с Кемалом обсудим, вдвоем прочедем варианты, найдем наименее стремный и принесем остальным. Это не значит, что спора не произойдет, но у нас уже будут все аргументы.

– Старая история, – как ни в чем не бывало продолжает Мур. – Они всегда ходят вдвоем, Феликс и его желание все контролировать.

– Благодаря ему мы еще живы, – напоминает Кемал. – Тут некоторым ослабь вожжи – они придут на махач с АК–47.

– Кто вам наврал, что у меня он есть? – невинно улыбается Тристан, хлопая ресницами, как школьница. – Откуда мне взять такое богатство?

– Хочу надеяться, что ты говоришь правду, – вздыхаю я. – Иначе копы перестанут считать нас безобидными.

– Есть пара гранат.

– И мы не берем их с собой.

Тристан хмурится и недовольно тянется за булочкой. Забивая рот тестом, он не меняет оскорбленного выражения лица.

– Пока мы не подрались, поставлю чай, – решает Кемал. Кухня в нашей квартире находится дальше всех от моей

комнаты – нужно пройти по коридору мимо спальни матери, небольшой кладовки, а уже потом выйти туда через гостиную. Как только я слышу голос Кемала, зовущего меня, чтобы показал, где хранится чай, сразу понимаю: это повод поговорить.

Чай последние пятнадцать лет стоит на одной и той же полке.

– Надеюсь, хотя бы победа над «Кирпичами» тебя вдохновит.

Кемал стоит у подоконника со скрещенными на груди руками. Длинные темные волосы падают на лицо, при каждом движении на нем скрипит черная кожанка. Небольшой электрический чайник – новенький, я недавно подарил его матери – шумит, подогревая воду. Мы как старая семейная пара, не хватает только халатов в полоску.

– Мы все еще в опасности, – парирую я.

– Может, попробуешь расслабиться? – поднимает бровь Кемал. – Мы назначили тебя лидером, и если ты нервничаешь, то все будут.

– Я не...

– Хочешь сказать, ты собран, спокоен и уверен?

Возможно, Кемалу нужно было самому возглавить банду. Сейчас, когда он стоит напротив, отчитывая меня, как ребенка, я не могу не вспомнить, что изначально это он все придумывал и превращал необходимость зарабатывать в сверхидею.

– Я никогда не стремился в лидеры.

– Врешь, – безразлично отвечает Кемал, будто сообщает мне давно известный факт. – Ты всегда им был, и я не собираюсь отнимать у тебя это звание. Никто не собирается.

– Скажи это Робу.

– Роб потерпит. Мы в тебя верим, просто... расслабься немного. Ни одна революция не совершалась с такой постной рожей.

Ах, да. Кемал и его идеология – вот уж кто попугайчики-неразлучники. Его послушать – мы не кучка бандитов, а новое поколение то ли революционеров, то ли фермеров, для которых город – это поле, а мы возделываем его и пожинаем плоды.

Чушь? Еще какая. Но как красиво он ее заворачивает! Когда Кемал открывает рот, чтобы толкнуть впечатляющую речь, я сначала стараюсь вежливо кивать, но к моменту воодушевляющего финиша во мне бурлят кровь, адреналин и желание покорять города.

Может, я тут и формальный лидер, но если Кемал решит, что мое время ушло, он легко меня уберет.

– И еще, – поднимает он руку, – Трис прав. Нужно обсудить всем вместе. И тебе проще, и остальные поймут, в чем наша проблема.

– Это на весь вечер.

– Знаю. Но нам все равно некуда торопиться.

Глухой нерешительный стук в дверь, за которым следу-

ет такой же второй, с потрохами выдает Джея. Мур снова кричит: «Я открою!», прежде чем подняться из кресла. Нам осталось дожидаться Роба и Маккормака, которые, как всегда, придут только к назначенному времени.

– Ладно, – соглашаюсь я. – Снова попробуем сделать это вместе.

– Не надо так сопротивляться, мы тебя не на оргию зовем. И да, в бар сегодня – обязательно.

Я командую парнями.

Кемал командует мной.

В мире нет ни грамма настоящей свободы.

Глава 2

Лили

Коттингли Хайтс, 17-й этаж

Когда я возвращаюсь домой, бабушки уже нет. В последнее время у нее много ночных смен в больнице, и к концу моей работы она только-только уходит на свою. Так что мы редко видимся, и, пожалуй, это к лучшему.

Бабушка вечно повторяет: не забывай про экзамены, подумай о своем будущем. От ее святой уверенности, будто в Лидсе есть будущее, мне сразу и смешно, и страшно: в ее время это было возможно. Она часто рассказывает, как в Бистоне работали фабрики, и город боролся за жизнь после войны, восстанавливая предприятия. А люди верили, что мировое зло побеждено и все плохое ушло вместе с ним.

Не знаю, как объяснить ей, что теперь здесь не город, а ад. Если сороковые разрушали здания в Лидсе, девяностые растаскивают на куски его душу. В детстве я любила приезжать сюда, гулять по улочкам, есть мороженое, которое бабушка покупала в фургончике. Тогда здесь пахло теплыми камнями, брусчатки, свежескошенной травой и жареным мясом.

Каждый раз после лета в Лидсе я ехала обратно в Шеф-

филд и представляла, что вырасту и моя жизнь будет именно такой: в летящем платье, с мороженым в руках и голосом Грейси Филдс из распахнутого настежь окна.

В Бистоне меня сочли бы городской сумасшедшей, попробуй я даже заикнуться о Грейси Филдс.

Время прошло, и теперь я не похожа на наивную девочку с мечтами о легкой жизни. Впрочем, бабушка тоже больше не та добрая женщина. Смерть деда изменила ее до неузнаваемости, а переезд из собственного дома в муниципальное жилье добил окончательно.

Моя смена продлилась десять часов, и я еле стою на ногах: в магазине нам запрещено садиться в любое время, кроме перерыва. Менеджер строго следит, чтобы ни одной оплаченной минуты не прошло в бездействии. И это – за три фунта двадцать пенни в час. Чувствую, как богатею.

На плите понемногу стынет заботливо оставленный там овощной суп. Ужин – работа бабушки. Завтрак – моя. На холодильнике вывешены обязанности и сроки их выполнения, и это, конечно же, тоже учтено.

Наученная горьким опытом, прежде чем выдохнуть, я сначала проверяю расписание. Стирка стоит на выходной, ванную убирала вчера, посуду помою после ужина. На двери холодильника нет ничего, за что мой домашний Гитлер смог бы меня расстрелять, и теперь можно...

Бросаю сумку и стекаю на пол по дверному косяку между кухней и гостиной. Пять минут, мне нужно всего пять ми-

нут на переключение, чтобы вновь почувствовать себя живой. Без менеджера, который каждый раз, когда я прохожу мимо, ломает глаза, пытаюсь заценить задницу. Без покупателей, которые всерьез считают Barbie Girl хитом столетия. Без кассы, продаж, комиссий, сраных воришек, отжирающих мою и без того мизерную зарплату.

Пять.

Четыре.

Три.

Почти близко. Понемногу я становлюсь просто Лили Пакстон, без сраной звездочки на бейдже. Обычным человеком, который сейчас поужинает, возьмет из холодильника прохладное пиво – разрешенное в качестве компромисса домашним Гитлером – и завалится на выцветший диван смотреть «Баффи».

Ненавижу взрослую жизнь.

Два.

Один.

Я не успеваю подняться до того, как слышу стук в дверь. Даже не поворачиваюсь, просто кричу: «Заходи». В такое время это может быть только...

– Тебе не стоит сидеть на полу, – обеспокоенно произносит Люси. – Говорят, в некоторых квартирах видели мышей.

Перевожу взгляд со щели под кухонным шкафом на ее встревоженное лицо.

– Мы на семнадцатом.

– А видели на двадцатом.

Люси проходит внутрь и, зажмурившись, тянет носом воздух. Судя по улыбке, ей нравится запах бабушкиного супа. Или – что более вероятно – ее отец снова валяется в стельку пьяным, отобрав ее же недельную зарплату. В любом из этих случаев ей стоит поесть вместе со мной.

Я оглядываю ее в поисках новых синяков. У Люси тонкая белая кожа, которая отлично подходит к светлым волосам и голубым глазам. Да, она и выглядит как ангел, и по характеру такая же тихая и добрая. С маленьким вздернутым носом, розовыми щеками и взглядом библейской святой. Одно только выдает ее истинную суть: Люси знает каждую сплетню нашего района. Она редко говорит и много слушает, а люди думают, что ей можно доверять.

Новый синяк и правда обнаруживается на предплечье. У меня сжимается сердце: Люси не может дать отцу отпор, и он этим пользуется.

– Ладно, – поднимаюсь я. – Ты, наверное, голодная.

Мы лучшие подруги, и если Люси снова, хоть мы сто раз договаривались, будет отнекиваться, я за себя не отвечаю.

– Немного, – кивает она.

Ничего себе. Либо она наконец привыкла к тому, что не будет одна, либо стоит на пороге голодной смерти. В любом случае выход один.

Я достаю тарелки и разливаю суп. В кастрюле ровно две порции, словно бабушка знала, что придется делить.

– Дома все в порядке?

Люси ежится от неожиданного вопроса. Она натягивает улыбку и кивает.

– Да. – Боже, она так неумело врет. – Как... на работе?

– Сумасшедший дом, – даю перевести тему я. – Все говорят о новой песне какой-то Билли Пайпер, из-за этого дебилы заходят по три раза на дню спросить, есть ли она у нас. А ее даже в каталогах нет!

– Уверена, что называть клиентов дебилами – это способ получить комиссию? – с легким осуждением тянет Люси.

– Что? Все спрашивают очередную поп-блевань пятнадцатилетней богатой девочки, а я должна радоваться? Две недели как вышла Teardrop, и она каждый раз разрывает меня в клочья. Но никто из тех, кто спросил про Билли, мать ее, Пайпер, не захотел ее купить.

– Ты очень сурова.

В глазах Люси я вижу тихое одобрение, которое спорит с тем, что она говорит вслух. Вечно с ней так.

Она ест быстро, почти не пережевывая. Я была права: отец снова пропивает ее зарплату.

Люси каждый раз одним своим видом напоминает, что мой переезд к бабушке все еще можно считать везением. Когда мать собрала мои вещи, выдала двадцатку на поезд в Лидс и еду на неделю, я думала, что в моей жизни произошла настоящая катастрофа.

Ничего. Мы с бабушкой держимся.

– Как в магазине? – спрашиваю я.

– Нам привезли еще партию тюльпанов, – расцветает Люси. – Говорят, это последние. Такие красивые, ты бы видела... Больше всего понравились розовые, они светлее по краю лепестков.

Она рассказывает о работе в цветочном, и в голубых глазах наконец появляется огонь жизни. К моменту, когда тарелки пустеют, Люси подхватывает их со стола сама и вздрагивает от неожиданного стука в дверь.

– Все в порядке, – касаюсь ее плеча я. – Это может быть только Ламия.

Конечно, я права. Лами даже не дожидается ответа – просто опускает ручку двери и заглядывает в гостиную.

– Все дома? – аккуратно интересуется она.

– Надеюсь, ты не голодная, – выхожу из кухни я. – Мы все съели.

Ламия оглядывается и проходит в комнату, прикрыв за собой дверь.

– Так и знала, что вы обе здесь. Нет, есть не хочу, надыхалась кебабом рядом с парикмахерской.

Слышится шум воды: Люси решила вымыть посуду за меня. Квартира оживает с этими двоими, наполняется движением, звуками. Воздух пропитывается запахами цветов, краски для волос и пряного парфюма.

Не знаю, как пережила бы этот год, не будь у меня подруг. Бабушка запрещала болтаться на улице и в закусочных, на-

зывая наши две высотки рассадником нищеты и криминала, так что единственным местом для знакомств была новая школа. Официально мы выпускаемся через месяц, но, если не врать себе, шансов на поступление у нас нет.

Вернее, они были до этой весны. У всех троих, но после пробных экзаменов оказалось, что родители Ламии считают высшее образование опасной блажью. Люси так перенервничала, что не прошла даже «игрушечное» тестирование. А мне свинью подложили родители: из-за того, что они не передали бабушке официальную опеку, моя семья и я, естественно, не считаемся неимущими, чтобы рассчитывать на снижение стоимости обучения. При этом для грантов нужна куча вещей, которых у меня нет. И первая из них – чистая репутация.

Так что уже в марте мы все устроились на работу, чтобы к концу лета быть хоть кем-то.

Школа все еще требует появляться на занятиях, угрожая не выдать аттестат, но уже не может усадить нас за учебники. И я не чувствовала ничего более освобождающего в своей жизни.

Конечно, бабушка недовольна. Но я начала приносить домой деньги, пусть и крошечные, а значит, мы будем в порядке этой зимой. В прошлую отопление работало настолько плохо, что мы с трудом ее пережили.

– «Баффи»? – доносится со стороны дивана.

Ламия уже занимает свое законное место справа – поче-

му-то мы всегда рассаживаемся одинаково.

– Точно, – падаю рядом с ней я. – Боже, на что мы тратим жизнь?

Молчаливый вопросительный взгляд заставляет меня пояснить свою мысль.

– Школа, работа... Закончится школа – останется только работа. Неужели так пройдет все лето?

– Бери выше, – усмехается Ламия, – так пройдет вся жизнь.

– Какой ужас, – тихо отвечает Люси.

Она закончила с посудой и теперь присоединяется к нам. Диван даже не прогибается под ее весом: он почти как у козы.

Мы часто проводим здесь вечера: только у меня есть такая роскошь, как тишина и диван, на котором можно просто посидеть. Ламия – средняя из пяти детей, у них не квартира, а зоопарк. Один ее старший брат уже привез жену откуда-то из другой страны, и теперь они с младенцем ютятся на кухне. Второй брат еще не успел завести семью, и он работает в две смены, а домой приходит только поспать в гостиной. Младшие сестры – им пятнадцать и двенадцать – только и делают, что шумят и воруют у Ламии косметику.

Дома у Люси, конечно, тихо... пока ее отец где-то пьет. А когда возвращается, в квартире становится еще тише, потому что она боится даже дышать громче положенного. Мать ушла от них лет пять назад, и простить ее за то, что не за-

брала Люси, та не может.

– Привыкай, детка, – усмехается Ламия.

Она вытягивает тонкие ноги в легинсах, смотрит на них и с интересом прищуривается, словно представляет себе худшее.

– У Бетти на работе вот такие вены.

Показывая, Ламия очерчивает полосы на своих ногах. Длинные, широкие, и по ее рассказу выходит, что вены у Бетти занимают голень полностью.

– Интересно, когда у меня такие появятся?

– Не появятся, – отрезаю я. – Ты не будешь всю жизнь работать в парикмахерской.

– Статистика поспорила бы с тобой.

В душе поднимается протест: эта тема всплывает слишком часто, и мне становится сложно реагировать спокойно. Мы только пару месяцев как выбрались из абсолютной зависимости от взрослых – и то на пол-пятки. А уже чувствуем, что будущее настолько ужасно, что в него не хочется даже заглядывать.

Я встаю и отхожу к окну.

– Знаете что? Хватит с меня этих разговоров.

Сбоку видны окна высотки, которая похожа на нашу как две капли воды. Коттингли Тауэрс. Напротив, на том же этаже, где и мы, на подоконник опирается молодой парень. Я вижу его в третий или четвертый раз за последний год – один из тех, от кого бабушка велит держаться подальше.

У него длинные волосы, как у рок-звезды, и черная кожаная куртка. Больше ничего не могу разобрать отсюда.

– Как только сдадим экзамены, – проговариваю я окну, но знаю, что мои девочки слышат, – придумаем способ выбраться из этой дыры.

Парень оглядывается на меня, словно тоже услышав, но я уже поворачиваюсь обратно к комнате.

– Эта жизнь в социальном жилье – полная херня. Если хотим что-то изменить, нам нужно зарабатывать настоящие деньги, а не те крохи, что платят сейчас.

– Как громко звучит, – морщится Ламия. – Мне вообще начали платить неделю назад.

– Лили, но это же... – вздыхает Люси. – Кажется, сейчас нормальные деньги есть только в бандах.

– Значит, присоединимся к одной из них.

– Давно у тебя член вырос? – уточняет Ламия. – Банды – это мужская вечеринка.

– Сделаем свою и покажем, кто здесь сучки поглавнее, – упрямо повторяю я. – Мне плевать, чего это будет стоить... Но у нас обязано быть отличное будущее.

Люси переводит взгляд с меня на Ламию, словно сомневаясь, чью сторону занять в споре.

– Я не хочу всю жизнь продавать попсу в сетевом магазине посреди торгового центра, – ставлю точку я. – Если для того, чтобы стать продюсером, нужно драться на улицах, значит, куплю битую.

Последний школьный год я провожу под строгим надзором домашнего Гитлера не потому что моя мать устала меня содержать. Ей это не так уже много стоило, пока я была примерной дочерью наполовину с исполнителем ее мечты. Но теперь, когда остались только экзамены, все намного проще. Я зарабатываю сама, и даже если бабушка тоже выгонит меня из дома, этого хватит на крохотную комнатку где-нибудь в Морли.

Еще месяц, и я буду свободна.

– Ладно, – сдается Ламия. – Организуем банду. А пока можем просто посмотреть «Баффи»?

– Включай, – соглашаюсь я. – Кстати... Завтра бабушка снова уходит в ночную смену. Мы можем купить сидра и посидеть у меня.

Глава 3

Феликс

Феликс

Коттингли Тауэрс, 11-й этаж

Дверь в квартиру Тристана даже выглядит не такой обшарпанной, как остальные на этаже. Я точно не знаю, что они с ней делают – краска тут не отличается от других, – но почти готов поверить, будто неведомый бельгийский дух все консервирует. Даже чертову дверь.

На второй стук мать Тристана выглядывает в открывающийся проем. Ее рыжеватые волосы, выбившиеся из пучка, торчат вокруг головы нимбом, и это единственное, в чем они с сыном похожи. Мне всегда казалось, что мелкий засранец пошел в отца, хоть я ни разу того не видел.

– Добрый вечер, миссис Буше, – киваю я. – Тристан дома?

– Феликс, – недовольно морщится она и прикрывает дверь, делая свой голос глуше. – Трис, к тебе!

Из глубины квартиры раздается агрессивное мурлыканье, в котором узнается очень конкретный рыжий котенок. У

него с матерью настолько запутанные отношения, что никто из нас так и не смог разобраться в них за все годы знакомства.

– Сколько раз говорить тебе, что ты дружишь не с теми...

– Ça ne te regarde pas, – бросает в нее Тристан, который снова открывает дверь. – Ne m'attends pas.

Понятия не имею, что он говорит, но я уже привык слушать французскую речь, сам додумывая смыслы.

Увидев меня, Тристан широко улыбается и толкается.

– Теперь ты рано!

– Помнишь, я обещал вечеринку? Мне нужна твоя помощь.

– Что угодно, лишь бы избавиться от этого гуля. – Тристан кивает в сторону матери. – Она забирает мои жизненные силы.

Это меня не касается. У нас у каждого своя грустная история, и мало кто торопится делиться ею с остальными. Но я все же не выдерживаю.

– Почему ты постоянно говоришь с ней на французском?

– Ее это бесит, – самодовольно отвечает Тристан. – А меня радует.

Стоило ожидать. На занятиях в школе было то же самое: он мог сорвать урок, отчитывая маленькую сухую мисс Уэлливер за что угодно, от неправильного произношения до игнорирования бельгийского варианта в выборе слова. Мы перестали выяснять, за что именно, примерно со второго раза.

Как же она бесилась – и какое же удовольствие это доставляло Тристану.

– Чем займемся?

– Заберем Джея с шестого этажа и махнем в магазин. Вы были правы, раз мы победили «Кирпичей», стоит затеять вечеринку.

– Думал, мы пойдем в паб...

– Мы подмяли под себя банду, а не весь город. Нужно поменьше светиться.

– Чува-ак, – разочарованно тянет Тристан.

– Будем на крыше. Я взял ключи.

В лифте привычно несет мочой, и мы спускаемся ровно на пять этажей. Если дверь Тристана выглядит новее остальных, то у Джея как будто грабители с топором побывали. Краска вся в длинных царапинах, облупленная, кое-где свисает лохмотьями.

Нам открывает тощая несуразная, словно ее развитие остановилось лет в двенадцать, Пиппа. Младшей сестре Джея сейчас должно быть около шестнадцати, но она совсем не выглядит на этот возраст.

– Эй, привет, Трис! – сияет она, совершенно игнорируя меня. – Как дела?

– Но... – Он даже оглядывается. – Нормально, сама как?

– Привет, мелочь.

Я сдвигаюсь в сторону, спасая Тристана от агрессивной малолетки. Все знают, что она влюблена в него с тринадцати.

– Позови Джея.

Ее лицо мгновенно сменяется на скучающее, маленький вздернутый нос морщится с неприязнью, а глаза закатываются.

– Джонни, твои придурки пришли!

– Следи за языком, мелочь, – спокойно предупреждаю я.

– А то что?

– А то получишь, – слышится у нее из-за спины.

Джей – да, он на самом деле Джон Холл – отодвигает ее в сторону одним движением. Они настолько разные, насколько это возможно: он будто отнимал у нее еду все детство. И сладости тоже. Сложно поверить, что эти двое вылезли из одной утробы.

Поправив очки, Джей бросает последний грозный взгляд в сторону сестры и закрывает за собой дверь.

– Пока, Тристан! – доносится оттуда.

– Тебе бы поговорить с ней, – вздыхаю я. – Это может плохо закончиться.

– Мы не обсуждаем Пиппу, – насупленно отвечает тот. – Сам разберусь.

Тристан лишь пожимает плечами, он никогда не считывает никакие намеки. Даже самые очевидные. Либо ему интересна девчонка, и он пойдет в атаку сам, либо без вариантов.

– Чего позвали? – направляется к лифтам Джей.

– Мы идем за выпивкой и снеками, – кратко повторяю я. – Для вечеринки на крыше.

– Понял, я в деле.

– Я думал, ты объяснишь ему, что пойти в паб лучше! – возмущается Тристан.

Джей на секунду замедляется, а потом трясет головой.

– Мне и на крыше нормально.

Это мне в нем нравится: Джею не нужны никакие внешние атрибуты успеха, чтобы быть счастливым. Из нас всех он самый простой и надежный. Тот парень в банде, которого не страшно взять с собой на любое дело, если найти ему занятие по способностям.

Тристан же, наоборот, каждый раз становится нашей бомбой замедленного действия. Никогда не угадаешь, в какой момент в его голове что-нибудь свистнет. Но мы уже выяснили: главное – чтобы никто не называл его старым прозвищем и вообще никак не упоминал Францию. Это верный способ начать драку.

Черт, даже я выучил разницу между французами и бельгийцами вовсе не мирным путем.

Сегодня первый за неделю солнечный день, и нужно использовать его на полную, пока крышу снова не залило. Хотя до лета остается всего пара дней, на улице все еще прохладно. По радио обещают, что июнь будет не лучше, да и весь год ожидается дерьмовым. Не только в плане погоды.

Две тележки. Мысленно я подсчитываю, во что общему банку обойдется это развлечение, и стараюсь не слишком говнить: сам же решил, что нужно сделать. И крыша все

еще дешевле, чем паб.

Мы набираем достаточно пива на первые пару часов вечеринки, бутылки высятся над краями, опасно покачиваясь при движении. Позади меня Джей толкает свою тележку, которую Тристан заполняет чипсами, хулахупами, монстр манчами и жареным арахисом. Взять его с собой было лучшим выбором: он настолько любит все это вредное дерьмо, что наберет целую гору. Может, хоть так продлим вечеринку относительно трезвой.

– Тебе взять Мистера Порки? – спрашивает у меня Тристан, повысив голос.

Стайка девчонок за соседним стеллажом хихикает – то ли от этого вопроса, то ли в ответ каким-то своим шуткам.

– Не нужно, – быстро отвечаю я.

– Тебе одну и или две не нужно?

Смех становится громче. Я доезжаю до края стеллажа и выглядываю сбоку, пытаюсь понять, у кого в этом районе есть достаточно смелости, чтобы не прятаться при нашем появлении.

Их трое, по длинным черным волосам сразу узнается Ламия Рами из Коттингли Хайтс. Она училась в одном классе с Кемалом, и кажется, тот какое-то время по ней сох. Но так как это была самая неприступная девчонка школы с двумя сверх меры агрессивными старшими братьями, никто ни разу не сделал первого шага. Нам всем еще пригодятся конечности.

Рядом с ней малышка Люси Бэнкс, которая живет на одном этаже с Робом. Не думаю, что я хоть раз в жизни слышал ее голос, настолько она тихая. Моя мать знакома с ее родителями, говорит, там не семья, а катастрофа. Впрочем, у кого из нас не так?

Хотя я зря сужу по себе. У Кемала нормальные родители. И у Мура тоже. У этих семей своя... специфика. Но они точно не катастрофа.

Ламия, Люси... Я сталкиваюсь с вызывающей улыбкой третьей девчонки. Не знаю, кто она, но то, как гордо и бесстрашно она смотрит мне прямо в глаза, – это что-то новенькое. Почему ее не видели раньше?

Пухлые губы, тонкий нос, светлая, почти фарфоровая кожа и рассыпающиеся по плечам каштановые волосы... Не припоминаю никого похожего. Тем более с такими огромными глазами – они словно занимают половину ее лица.

Смех стихает, когда мы проходим мимо. Правильно. Девчонки уже позволили себе больше, чем стоило. Край тележки толкается мне в ногу, заставляя обернуться.

– Чего застыл? – приподнимает брови Тристан. – Так тебе одну или две?

Не дождавшись ответа, он бросает в корзину три пачки. Ламия и Люси молчат, но незнакомка взрывается ярким, грубым, практически мужским смехом. Никогда не слышал, чтобы девчонка ржала громче лошади. Она оттаскивает подруг в сторону, но по магазину продолжает разноситься этот

звук.

– Боже, что это? – округляет глаза Тристан.

У меня вырывается короткий смешок.

– Понятия не имею.

– А я знаю, – тихо отвечает Джей, – та девчонка из Шеффилда, что подняла школу на уши.

Что? Кто-то занял в нашей школе мое место? Вот это действительно наглость.

Когда мы с Муром почти одновременно потеряли свои шансы продолжить футбольную карьеру – он из-за травмы, я из-за смерти отца, – старшие классы перестали быть хоть сколько-нибудь привлекательными. Последний год перед ГСЭ² мы провели красиво, особенно когда присоединился Тристан. Удивительно, как нас троих вообще аттестовали.

Я понимал, что мы не сможем быть худшими в истории, но не думал, что замена мне найдется так быстро. Хотя... Вряд ли эта глазастая успела перебить нашу славу. В конце концов, это мы пробрались к радио, чтобы объявить, что будущее проебано, и включить «Оазис». Прямо во время визита толстого местного барончика!

Когда мы наконец подходим к кассе, то оказываемся в очереди за девчонками. Они делают вид, что не обращают на нас внимания, но все равно выдают себя. Люси «незаметно» поглядывает на нас, хотя шеффилдская незнакомка действительно держится молодцом.

² Государственные экзамены.

Наша очередь не задерживается, Сю на кассе шустро пробивает сидр и мелочи, которые набрали девчонки, и ко-
сится на наши две тележки.

– Восемь шестьдесят пять, – бросает она в сторону и вытя-
гивает голову, чтобы увидеть все, что сейчас придется про-
бить.

– Привет, – киваю я, – вернем тележки утром.

– Робертсон мне шею скрутит. Это не по правилам.

– Скажешь, кто взял и пообещал вернуть. Ты знаешь, что
значит мое слово.

Гигантские серьги Сю звенят, выдавая ее смятение, но я
уже озвучил все аргументы. Сомневаться во мне – большой
грех, особенно если учесть, что эта дыра тоже находится под
нашей защитой. Я даже планирую заплатить живые деньги,
что уже должно говорить о добрых намерениях.

– Сю, – солнечно улыбается Тристан, опираясь на лен-
ту, – я лично тебе привезу.

Та моментально заливается краской. Я и сам не удержива-
юсь от усмешки – когда хочет, Тристан может быть тем еще
дамским угодником.

– А в одну не поместите? – пытается торговаться она.

– А ты как думаешь? – уточняю я.

Сю шмыгает длинным носом и в конце концов сдается.

Этот разговор тянется слишком долго, и я поворачива-
юсь к девчонкам, чтобы посмотреть, что их так задерживает.
Незнакомка ожесточенно роется в своей крохотной сумоч-

ке, видимо, в поисках мелочи. Ничего не найдя, она отпускает несчастный кусок кожи, чтобы засунуть руки в карманы мешковатых джинсов, а потом, когда и там оказывается пусто, – в синий бомбер.

– Не торопись, – говорю я. – Мы тут всего полчаса стоим.

Она впервые разворачивается ко мне полностью, чтобы смерить взглядом с макушки до пяток, а потом так и вовсе выдает невиданную дерзость.

Большеглазый олененок выдувает мне в лицо огромный розовый пузырь жвачки, громко лопает его и тут же возвращается к своим карманам.

У меня снова вырывается смех: это нахальство становится глотком свежего воздуха. Я достаю пачку банкнот, вытаскиваю десятку и протягиваю Сью.

– Это за девчонок.

В момент, когда та с понимающей улыбкой забирает мои деньги, незнакомка наконец находит свои в переднем кармане джинсов.

– Мне твое не нужно, – снисходит до разговора со мной она.

Глядя на протянутую ко мне руку, я вытягиваю десятку, зажатую между пальцев, кладу ее на мягкую ладонь незнакомки и заставляю снова закрыть в кулаке.

– Больше не теряй, – подмигиваю ей. – И так придется тебя наказать.

– Боюсь, аж умираю, – прищуривает глаза она.

А когда не смеется, у нее такой нежный голос. И еще аромат... Как будто чистый хлопок, только-только из прачечной.

Ламия и Люси бросают на нее встревоженные взгляды.

– Умирать рано, а вот бояться – это правильно.

– И что ты мне сделаешь?

– Узнаешь попозже. Мы тут с парнями немного заняты.

– Ну да, ну да, – закатывает глаза она и прячет деньги в карман. – Бывай, бандит.

Я уже ставлю пиво на ленту, чтобы Сью смогла его пробить, но на эти слова невольно оборачиваюсь.

– Оставь нежности для нашего свидания.

Девчонка широко улыбается и, вытянув два пальца из кулака, направляется к выходу. Черт, мы еще даже не знакомы, а у меня уже кровь закипает. Не знаю, то ли она мне нравится, то ли бесит. Но уверен в одном: еще никто не посылал Феликса Ниббса на хуй безнаказанно.

– Тристан, – подзываю я. – Держи деньги, я сейчас вернусь.

– Ого, а тебя цепануло, – открывает рот тот.

– Расплачивайтесь.

Быстрым шагом добравшись до улицы, я успеваю заметить, как вся троица сворачивает за угол здания со своим чертовым сидром.

– Люси! – кричу я.

Та замирает как вкопанная, а когда наконец оглядывает-

ся, на блеклом личике отражается страх. Вот что должна бы чувствовать ее подруга.

– Стойте.

Теперь я замедляюсь и подхожу, уже не торопясь. Девчонки наблюдают за этим с самыми разными выражениями на лицах. Люси едва не трясется, Ламия напряжена... А третья снова смотрит мне прямо в глаза.

– Девочки, это так невежливо с вашей стороны, – наконец останавливаюсь перед ними, – не представить меня подруге. Ты у нас новенькая?

– Окей, – вмешивается Ламия. – Что бы тут ни происходило, Феликс, это Лили Пакстон, она уже год живет в Коттингли. Лили, это Феликс Ниббс. Он здесь... давно.

– Спасибо, Рами. Ну так что... Лили.

Ей подходит. Красивое имя, и она действительно похожа на девчонку, которую могут звать Лили. С этими-то глазами.

– Что? – с вызовом вскидывает подбородок она.

– Мы собираемся с парнями на вечеринку, – почему-то говорю я, – на крыше Коттингли Тауэрс. Берите свои бутылочки и присоединяйтесь. Там и обсудим наше свидание.

– С чего ты взял, что я пойду с тобой, Феликс, – она делает такой акцент на моем имени, что и без того закипающая кровь взрывается в венах, – на свидание?

– Предчувствие, – отвечаю я и поворачиваюсь к Люси. – Роб заглянет через два часа, заберет вас.

– Мы будем не у меня, – вырывается у той.

Я перевожу взгляд с нее на Ламию, но Лили не дает никому сказать и слова.

– Мы пас, – отрезает она. – Я твоих парней не знаю, так что своих девчонок не доверю. Хочешь позвать меня на свидание? Пригласи нормально, и я подумаю.

– Где живешь? Зайду завтра в семь.

– Коттингли Хайтс. Семнадцатый этаж.

Уже без лишнего хамства, она снова поворачивается в сторону дома.

Значит, Лили? Что-то подсказывает: она мне скучать не даст.

Глава 4

Лили

Ринг Роуд Бистон

Люси краем глаза провожает удаляющуюся фигуру Феликса. Я не оборачиваюсь – еще чего. Если заметит мой взгляд, надуется как индюк и будет уверен, что его несчастная десятка уже купила проход между моих ног.

Странно, что я не видела этого парня раньше: если он действительно живет по соседству, то как можно было пропустить такого здоровенного лося? Он почти на голову выше меня. И даже в этой идиотской кожаной куртке видно, что там есть мышцы.

Не знала, что в наших высотках живет кто-то такой... наглый. И такой симпатичный.

– Ушел, – сообщает Люси.

– Свидание с Феликсом Ниббсом! – тут же взрывается Ламия. – Ты в своем уме?!

– Мы точно на одного парня смотрели? – поворачиваюсь к ней я. – Он симпатичнее любого из нашей школы. И любого из моего магазина. Вообще-то я почти обижена, что вы нас не познакомили.

– Потому что мы хорошо его знаем, – тихо отвечает Люси. – И давно.

– Подожди, – резко останавливаюсь я. – Это тот самый Ниббс, с которым меня все время сравнивают?

– Да, и нам не стоит с ним соревноваться, – сквозь зубы говорит Ламия. – Остались только экзамены, и будем свободны.

– Я все еще расстроена, что моя фамилия не заменит его в списке худших учеников школы. Но ты права, пойти работать было лучше.

Первые полгода обучения я надеялась вписать свое имя в историю, устраивая новой школе испытания, к которым она была не готова. Но после того, как мы с бабушкой с трудом пережили тяжелую зиму, приоритеты изменились. Если я не буду позволять себе тратить время на новые седые волосы мистера Скелтона, в этом году мы точно сможем позволить себе обогреватель.

– Плевать, это всего-то свидание.

– Лили, он не очень хороший человек, – встревает Люси. – Ты слышала о банде «Жнецы Коттингли»?

– Которые подрались с кем-то за крематорием?

– Это его банда.

– Ну, не лично его, – добавляет Ламия. – Яхия тоже с ним трется.

– А Яхия – это...

– Кемал Яхия, он учился с нами в средних классах, – от-

вечает Люси. – Лами, а он тебе все еще нравится?

– Мне не нравятся идиоты, которые выбирают уличные драки вместо образования.

Звучит интересно: раньше она просто не говорила ни о каких парнях. Я внимательно смотрю на Ламию, но та только качает головой.

– У него всегда были лучшие оценки по истории и все возможности пойти в университет, а он сбежал сразу после ГСЭ, чтобы организовать банду со своим великолепным другом Феликсом. Идиот.

Я никогда даже не думала о таком: мама всегда говорила, что я буду первой в нашей семье, кто получит высшее образование. Но это только до момента, когда ее маленькая звездочка превратилась в грязную шлюху.

Забавно, как один человек может до основания разрушить твою мечту. И как город сразу растопчет в пыль ее остатки.

Нас всех обманули. Люси продолжила обучение, надеясь, что специализация на биологии поможет ее будущему. Ламия искала способ выбраться из оков семейных традиций.

Потратив лишние два года, мы вернулись к самому началу. И кто из нас тогда идиот?

Мы приближаемся к дому. У входа в Коттингли Тауэрс уже трутся несколько парней. Это всегда «несколько парней». Чаще двое-трое, но иногда – целая толпа.

Но впервые за год жизни здесь я задумываюсь, что до этого не обращала внимания на их лица.

– «Жнецы»? – уточняю я у Ламии.

Та мгновенно скользит взглядом по фигурам в черных куртках.

– Вспомни солнце – вот и лучик, – цедит она.

Среди парней я узнаю того, с длинными рокерскими волосами, которого видела в окне напротив.

– Этот мне знаком, – тихо указываю на него.

– Да-да, Яхию не пропустишь.

Люси тянет нас внутрь, не желая задерживаться на улице слишком долго. Сегодня моя квартира вновь предоставлена нам после клятвы домашнему Гитлеру в том, что мы не будем шуметь и мешать соседям.

Я смотрю на своих подруг и не понимаю, как бабушка вообще связала их со словом «шуметь». Интересно, что она сказала бы, если бы узнала, что я собираюсь на свидание с бандитом?

– Так странно, – произношу я больше самой себе. – Вся эта история с Феликсом.

Ламия открывает бутылки сидра, Люси смешивает чипсы разных вкусов в глубокой миске – так их интереснее есть. Услышав меня, они обе поворачиваются с тревогой на лицах.

– Ничего странного, – хмурится Ламия. – Ты привлекла к себе внимание.

– Я не планировала, – уверяю ее я. – Так вышло.

– Сами виноваты, – вздыхает Люси. – Нам же было весело смеяться над шуткой Тристана.

Я подвигаю поближе к дивану в гостиной старое кресло. Приходится приостановить разговор и сфокусироваться только на этом: одно неверное движение – и развалюха рассыпется на мелкие детали.

Бабушка перевезла эти два кресла из своего старого дома, который пришлось продать, чтобы покрыть траты на дедушкино лечение. В том, что теперь у нас нет ни дома, ни дедушки, есть какая-то злая ирония.

На столике перед диваном появляется сегодняшний ужин: бутылки, чипсы, конфеты, орешки. Мы отлично закупились на вечер, и сейчас даже особенно приятно, что не пришлось платить.

– У меня плохое предчувствие, – произносит Ламия.

– Я все еще обижена! – предупреждаю я.

Магнитофон на комодѣ оживает, когда я включаю его в розетку. У меня есть отличный альбом Roni Size, но прямо сейчас я быстро отматываю сразу на Brown Paper Bag. Басы начинают заполнять гостиную, превращая ее в наш собственный ночной клуб.

Круче только Born Slippy, но до него нам надо выпить еще по бутылке.

Я падаю в кресло, но когда бит сменяется на более динамичный, не могу удержаться от того, чтобы не пританцовывать.

– Как вышло, что мы ни разу не обсуждали банду, которая живет по соседству?

– Много чести, – делает глоток Ламия. – Там не о чем разговаривать. Кучка парней занимается грабежом и рэкетом. Просто подождем, когда до них наконец доберутся копы.

– Значит, я тут перед вами распинаяюсь, что нужно самим сделать банду...

– Не путай. Если мы этим займемся...

– Когда займемся.

– Когда, – податливо кивает Ламия. – Мы не будем такими наглыми и безрассудными. Потому что мы не мужчины, которым только и нужно, что распустить павлиний хвост.

– Но этот Феликс уже набил пару шишек, так?

Люси тяжело вздыхает.

– Ты будешь с ним встречаться?

– Вряд ли, – улыбаюсь я. – Но мне не помешает узнать, как у них все устроено. Чтобы мы не повторяли их ошибки.

– Он тебе понравился.

– Как минимум сейчас мы пьем за его счет.

Я пожимаю плечами и отпиваю из бутылки.

– А кто еще есть в этой банде? Кто-то из нашей школы?

– Нет. У них вообще какая-то своя тусовка, новых давно не принимают.

– Мне нужно знать абсолютно все.

Ламия и Люси переглядываются и синхронно сжимают губы. Но если они и надеялись отмолчаться, то выбрали для этого не ту подругу. Спустя полчаса и бутылку сидра я знала все, что нужно.

Основной костяк банды – семеро парней. Конечно, их сразу не запомнишь, но самое главное я все равно успела уловить.

Феликс – бывший футболист. Это огромный минус, я еще с Шеффилда терпеть не могу самовлюбленных идиотов, которые вроде пинают мяч ногами, а страдают все равно мозги. Но теперь хотя бы понятно, почему он так себя ведет.

Сама не знаю, что думаю по поводу завтрашнего свидания. Во-первых, это произошло слишком быстро, и я едва успела понять, что от меня хотят, и там уже больше защищала подруг от пьяных бандитов на крыше, чем рассчитывала на что-то для себя.

Тот Кемал Яхия, при упоминании которого Ламия злится, – самый умный, самый хитрый и самый тупой одновременно. Не представляю, как это сочетается, но и спорить тоже не хочу. Пусть пока будет так.

В магазине с Феликсом были Тристан и Джон. Тристан агрессивный – хотя по нему совсем не скажешь – и в школе постоянно ходил битым. Причем говорят, что почти каждую драку он начинал сам. Джон просто таскается за Кемалом, потому что больше друзей не нашел.

Еще Люси рассказала про Даярама Мурти, самого близкого к Феликсу – еще один футболист, – и вроде как этот самый вменяемый.

Последними в этом рассказе появились шотландец Кертис Маккормак, всегда себе на уме, и ирландец Роб Кэмпбелл,

живущий с Люси на одном этаже, этот все время всем недоволен.

Каждый из банды – выпускник нашей школы. И как бы я ни ненавидела Шеффилд, рассказы Люси и Ламии заставляют другими глазами посмотреть на это тихое и уютное место.

– Значит, правильно сделала, что согласилась, – подвожу итог я. – Схожу куда-нибудь с этим Феликсом и понемногу выпрошу, как там вообще дела, чем они занимаются.

– Не представляю нас в банде, – отвечает Люси. – Мы же... девочки.

– Ты будешь подавать патроны, – успокаивает ее Ламия. – Я – стрелять, а Лили – добивать недостреленных битой.

Я корчу ей рожу и откидываюсь в кресле, устало прикрывая глаза.

Говорить о криминале удобно, пока это беспочвенные мечты. Когда начинаешь представлять, чем именно заняться, умные мысли сразу улечиваются. Сейчас в голову приходят странные и не самые денежные идеи: воровать кошельки у прохожих, например. Или сумки. Ну... все.

Беда в том, что в Коттингли и Бистоне кошельки у всех пусты, а в центре столпились все констебли города, которые боятся к нам ехать. А главное – я сама тот еще мафиози, трясусь даже десятку из кассы вытащить.

Хочется такого криминала, чтобы никогда не поймали, но... Наверное, я могла бы находить лазейки в какой-нибудь бухгалтерии, потому что математика – моя единствен-

ная сильная сторона.

Еще бы найти того, кто доверит мне бухгалтерию.

– Мы можем делать музыкальные копии, – вдруг понимаю я. – Нужен только компьютер с записывающим приводом и куча дисков. В магазине их можно продавать на пару фунтов дешевле.

– Тебя повяжут через три дня, – качает головой Ламия.

– Я знаю, кто ко мне ходит, буду предлагать только безопасным ребятам. И кстати, мы можем продавать их не только в магазине.

– А ты сделаешь мне диск с музыкой из «Титаника»? – оживает Люси.

– Конечно, – улыбаюсь я. – Два, на всякий случай.

Сырая идея начинает понемногу складываться в план, и он выглядит неплохо. Как по мне, очень даже прилично. В нем, конечно, еще много дыр, но это уже лучше, чем воровать кошельки.

– Мне не нравится, – предупреждает Ламия.

– Но ты со мной?

Она вздыхает и смотрит на меня со смесью любви и страдания.

– Всегда.

– Нас все равно повяжут, – сообщает Люси, – но я тоже в деле.

– Тогда я вас не подведу, – киваю я. – Мы точно отлично заработаем в этом году. И не попадемся.

Еще ни в одно свое обещание я не верила так сильно, как в это.

Глава 5

Феликс

Крыша Коттингли Тауэрс

Стоя на краю крыши, я вглядываюсь в окна ниже, отсчитываю этажи до семнадцатого. Пытаюсь понять, где именно живет девушка, у которой огромные зеленые глаза, несносный характер и грубый смех.

– Видишь ли, – рядом на парапет опирается Кемал, – если ты собрал всех выпить, а сам стоишь куксишься в углу, это не очень помогает объединению банды.

– Ты у нас болтун. Пообщайся за меня.

– Да, приходится, но я не их лидер.

Нехотя отрываю взгляд от единственного горящего на семнадцатом этаже окна и поворачиваюсь к Кемалу. Тот, зажав сигарету между зубов, чиркает спичкой по коробку из «Асды»³, а от ветра огонь чудом защищают свесившиеся с лица волосы.

– Подарить тебе зажигалку?

– Она не пахнет горелой серой, – наконец справляется с

³ Одна из крупнейших и наиболее доступных сетей супермаркетов в Великобритании, известная низкими ценами на товары.

задачей Кемал. – Иди поговори с парнями. Ты же их не боишься?

– Что?! Нет, конечно.

Машинально тянусь в карман за своими сигаретами, подкуриваю вслед за Кемалом. Все-таки он прав по крайней мере в том, что мы – социальные животные. Невозможно не курить, когда рядом с тобой так вкусно дымят.

– Тристан сказал, у вас с Рами что-то произошло в магазине.

С Рами? Ламией Рами? Я поворачиваюсь к нему и пытаюсь понять, почему сейчас вообще всплыло это имя.

Точно, они же были втроем.

– Не обращай внимания, просто в Коттингли появилась новенькая, которая еще не чувствует берегов.

– И поэтому ты платишь за нее в магазине?

Подкол засчитан. Я невольно киваю, способный оценить юмор ситуации.

– Кстати, она не новенькая, – продолжает Кемал. – Лили Пакстон переехала сюда год назад.

– Ты-то ее откуда знаешь?

– Ты хоть раз в окно смотрел? Она живет напротив тебя, я ее постоянно вижу.

Пытаюсь вспомнить, когда в последний раз смотрел в окна соседней высотки. Это тревожный звоночек: если я не знал, что напротив уже год живет какая-то новая девчонка примерно одного со мной возраста, что еще мог упустить?

– Ладно, – невесело киваю в ответ своим мыслям, – завтра заберу ее на свидание, выясню, что за птица.

Лицо Кемала вытягивается, а взгляд невольно скользит по тем же окнам, на которые смотрел я.

– То есть она тебя послала, а ты ее...

– Это был флирт. Девчонка строит из себя недотрогу.

– Судя по всему, романтике тебя учили волки.

– Хватит, – останавливаю его я. – Выпью с парнями.

У Кемала вырывается смешок. Плевать, он в любом случае прав: мне нужно побыть со своими. Я выбрасываю окурок, цепляю бутылку по дороге, открываю ее зажигалкой. Пора вспомнить, каким я был до всех наших проблем с другими бандами.

Как только подхожу к ближайшей от меня группе, тут же слышу возмущения Тристана.

– Мужик, на кой хер тебе это дерьмо? Ты решил охотиться на слонов или сниматься в дешевом боевике? Пятидесятый калибр Desert Eagle – самое переоцененное, что выходило в последние десять лет. Здоровенный, неудобный. А отдача? Один выстрел, и ты без запястья.

– Ты-то где ее видел? – ухмыляется Маккормак.

– Сомневаешься во мне? – пьяно быкует Тристан.

– Нет, – быстро отвечает тот.

Правильный выбор. Нам здесь только драки не хватало.

– Зато он мощный, – встречается в спор Роб.

Ставлю десятку, что это он его и затеял.

– Думаешь, если у тебя руки медвежьи, то и кости крепкие? – тут же переключается Тристан. – И потом, заряд на семь патронов – разве это серьезно? Если хочешь что-то надежное, бери семнадцатый «Глок», у них как раз вот-вот выйдет третья версия.

Мне не нравится искренняя заинтересованность на лице Роба, но читать ему морали сейчас точно не стоит. Убью всю вечеринку.

– Сам говорил, у него неудобная рукоять.

– Херня, можно привыкнуть, – широко улыбается Тристан. – Его главный недостаток – нет ручного предохранителя. Но если ты неопытный долбоеб, тебе никакой ствол носить нельзя.

Его взгляд быстро скользит в сторону Маккормака, и тот ощутимо напрягается. Твою мать, не банда, а пороховая бочка. Впрочем, так было всегда, а в последний год так и вовсе стало полегче. По крайней мере, мы сремся, а не деремся. Уже что-то.

– Нам никакие нельзя, – не удерживаюсь от напоминания я. – Но в целом как дела у вас?

– Все супер, – отвечает Роб. – Парни из «Кирпичей» понемногу вливаются.

Он кивает в сторону соседней группы, и я вижу, что новенькие действительно облепили Мура. Отлично, если среди нас и есть кто-то хотя бы минимально дружелюбный, это точно он.

Вот и сейчас он расслабленно подносит бутылку ко рту и с улыбкой кивает словам невысокого коренастого парня. Черт, никак не могу запомнить его имя... Эрни?

Нас уже десять, с тех пор как трое из «Кирпичей» решили не просто оставить территорию, но и вообще присоединиться к нам. Сейчас мы выглядим как толпа, и это очень хорошо на перспективу. С ямайцами малым составом не справиться. Они вообще сильнее, потому что объединены национальностью. Кемал говорит, так «свои» надежнее чувствуются.

Они с Джеем как раз что-то тихо обсуждают у парапета и выглядят как комедийный дуэт из семидесятых. Высокий Кемал, бунтующий против мира длинными волосами и цепями на джинсах, с его почти аристократичными манерами и неизменно гордой осанкой. И Джей, на полголовы ниже, коротколапый крепыш в очках, которые вечно сползают на нос.

– Фел, – подходит ко мне ближе Роб. – Сэм говорил, у «Кирпичей» был договор со «Стволами». Он уже достаточно накидался, как думаешь, может, выпросим, что там?

Пытаясь вспомнить, кто из них Сэм, цепляюсь взглядом за того, с выбеленными волосами. Закос под Кайфолома⁴ настолько очевиден, что стоит задаться вопросом, нет ли у паренька тех же пристрастий.

– Давай вместе, – предлагаю я.

Как раз и выясню.

⁴ Персонаж книги Ирвина Уэлша «На игле» и одноименного фильма.

Мы оттираем Сэма от основной толпы, аккуратно выводя на отдельный разговор. Кемал в тот же момент подхватывает тему оружия с Тристаном, словно чувствует, что это сейчас необходимо. Он не настолько хорош в политике, как думает сам, но намного лучше, чем мы все подозреваем.

– Как тебе у нас? – непринужденно начинает Роб. – Ты живешь рядом с парком Холбек вроде?

– Да, красный кирпич⁵, – кивает Сэм.

Полосатое поло и джинсы в свежих влажных пятнах, а белые волосы всклокочены и, кажется, залиты гелем. Он немного покачивается, взгляд затуманен, но явно только от пива. Я протягиваю ему еще бутылку, которую подхватил по дороге.

Мне самому хочется хорошенько напиться, но сегодняшняя вечеринка не для этого.

– Вы крутые, парни, – добавляет Сэм. – Я сразу говорил, с вами лучше не тягаться.

– Тебя явно не послушали, – поддакивает Роб. – Но мы рады, что ты теперь с нами. Их потеря – наше приобретение.

– Да там, – неопределенно машет рукой в сторону дома тот, – много пиздели, мало делали.

– Понимаю, конечно.

Я со значением киваю. Роб и сам присоединился к нам не так давно, года полтора назад. Мы звали и раньше, но он

⁵ Отсылка к викторианским домам из красного кирпича – узнаваемому элементу рабочих районов.

осторожничал. Оба они с Маккормаком такие: не полезут в драку, если не будут на все сто уверены в победе. Зато стоит им понять, что победа в кармане, – и агрессии едва ли не больше, чем у Тристана.

Так-то неплохие парни. Еще бы Роб не вскидывался на все, что ему не нравится – от стратегии переговоров до законников и Тони Блэра, – цены бы им не было.

– Слушай, ну, это частая проблема, – нахожу время встрять в разговор я. – Люди путают разговор с настоящим решением вопроса. У нас не так.

– А чего, кстати, какие планы были? – в лоб спрашивает Роб.

Черт.

– На что? – удивляется Сэм.

– Да на все. Неужели болтунам хватало Элленд-роуд? Сколько с него снимешь?

– Да мы... – он кашляет и тут же поправляется, – они торгашей не то чтобы сильно трогали, больше по тачкам. Угон, перепродажа. А это можно где угодно проворачивать, главное – пригнать в гараж за парком.

Странно. Это слишком сильно различается с тем, что видели мы. Сэм врет? Или просто не знает?

– Они же так и хотели, когда со «Стволами» договаривались. Поделить Бистон не по территории, а по делу. Бени планировал отдать наших торговцев и заняться тачками вплотную. Трусить этих жмотов неинтересно было, драйва

мало.

Я внимательно слежу за его реакциями, все пытаюсь понять, что сам Сэм по этому поводу думает. Правда, он пьяный в говно, не разберешь, думает ли он вообще.

– Только я им сразу говорил: тачки – это риск, – тут же дает мне ответ тот. – И копы за тачками плотно следят, особенно если у кого богатого ее уведут. Представляешь, какой поднимется шум? Я вам, парни, так скажу: мне у вас нравится. Мы когда на Уэсли-стрит с тобой, Роб, погнали, там сразу понятно было, что вы люди дела. Приехали, договорились, разошлись.

У Сэма начинает заплетаться язык, в последние слова приходится вслушиваться. Но главное мы уже выяснили, и приятного мало.

Мы пошли не в ту банду, настоящие конкуренты, которых нужно было давить в зародыше, – ямайцы. Только потеряли время сами и каждую минуту подарили им. Как моль, «Стволы» подъедали квартал за кварталом и остановились только у парка Кросс Флатс, который теперь стал нашей нейтральной зоной.

Вот почему их главный, Малик, ходит по Бистону так, словно носит арбузы под мышками. Горд собой.

Разочарование рискует взорваться во мне, как бомба, но сейчас не время для этого. Черт, те два месяца, что мы возились с парнями, которые хотели тупо зарабатывать на угоне – я бы сам отдал им эту возможность, если бы знал, – пошли

«Стволам» на то, чтобы усилиться. А если мы забрали только троих, сколько осталось ямайцам?

Роб бросает на меня быстрый взгляд: он тоже все это видит.

– Ну, ты же понимаешь, – аккуратно подбираюсь я, – что «Стволы» нас в покое не оставят.

– Естественно, Малик тебя ненавидит, – пьяно ржет Сэм в ответ. – Знаешь их главного? Похож на кабана. Вот он даже при нас умудрялся жаловаться на беложопого футболиста, который возомнил себя гэнгстой.

При этих словах я вижу, как у Роба недобрым огнем загораются глаза, и эта эмоция полностью отражает мою собственную. Если не поторопимся, треш-ток Малика выйдет за пределы Бистона, где только и ждут своей очереди остальные банды.

– Пошел он на хуй, – выплевывает Роб. – И он, и его дебилы с мачете.

– Да! – яростно машет рукой Сэм. – Мы с вами этих нег...

– Стоп, – вмешиваюсь я. – У нас тут не принято бросаться такими словами. И вообще – посмотри вокруг. Мы тебе не наики, остудись.

– И запомни главное правило, – подкрадывается к нам Тристан. – Мы ненавидим все нации совершенно одинаково.

Он уже и сам пьян, судя по тому, насколько радостно смеется собственной шутке.

– Кроме бельгийцев, – подхватывает Роб.

– Ирландцы тоже ничего, – хлопает того по плечу Тристан. – Кстати, Сэм. Парни собрались домой, ты как, с ними?

Тот пару секунд пялится в пустоту, будто пытается понять вопрос, а потом кивает.

– Да, правда пора.

– Выбери жизнь⁶, – говорю я на прощание.

Сэм мгновенно оживляется.

– Выбери карьеру, чувак, – скалится он. – А ты шаришь!

Мы с Робом провожаем его глазами, пока Тристан отходит пожать Эрни руку на прощание. Вечеринка понемногу заканчивается, и скоро нам нужно будет разбредаться по домам. Сегодня наша с Муром очередь убираться.

Давно, еще как только начали собираться здесь, договорились, что не будем превращать крышу в помойку. Наверное, поэтому нам до сих пор дают ключи по своей воле.

– Он не наш, – негромко произносит Роб. – Долго не пробудет.

– Я опасаюсь другого, – отвечаю я.

– Что он начнет эту тему при Кемале?

– Что он не только патлами косит под Кайфолома.

– Серьезно? – удивляется Роб. – Не, руки чистые. Сам терпеть не могу наркош, если бы заметил что-то такое, давно сказал бы тебе.

⁶ Фраза, которой главный герой фильма «На игле» (1996 г.) начинает свой знаменитый саркастический монолог, высмеивающий стандарты «нормальной» потребительской жизни.

Когда бывшие «Кирпичи» скрываются за дверь в подъезд, настроение в воздухе тут же меняется, будто мы все трезвеем. Все-таки это чувствуется: пока они для нас чужие.

Кемал неспешно подходит к нам, за ним следует Джей. Не проходит и пары минут, как мы всемером, без единого слова, оказываемся в кругу. Бутылки забыты на парапетах и полу, и только огоньки сигарет загораются по очереди.

– Новости? – прерывает молчание Мур.

Он лениво потягивается, пока окидывает взглядом крышу, явно представляя, сколько времени понадобится на уборку. Тележка из супермаркета посередине дает надежду, что хотя бы вынести это все наружу получится быстро.

– У «Кирпичей» были переговоры со «Стволами», они планировали разделить по направлениям. Рэкет интересен только ямайцам, а «Кирпичи» хотели забрать себе угон тачек. Скорее всего, обмен был бы на условиях, что машины в округе поставляют только они. Соответственно, тогда «Стволы» тоже брали бы у них.

– И все? – приподнимает брови Кемал. – Ничего кроме тачек?

– Не думаю, – отвечает Роб. – Кайфолом недоговаривал, но я так и не понял что.

Стоит ему это произнести, как меня накрывает озарение. Я настолько погрузился в нашу ошибку, что совершенно не заметил ничего кроме этого, а ведь Роб абсолютно прав. Не может такая банда – их было десять – остановиться только

на уgone. Это дело на троих максимум.

– Херово, – вставляет Джей. – Вдруг они не закончили... этим заниматься?

– Трое здесь, двое ушли к «Стволам», – говорит Тристан. – Остается не так много людей.

Я поворачиваюсь в его сторону с немим вопросом, и он тут же поясняет:

– Пришли к оружейнику Карлу за сто десятым «Баком»⁷, болтали, что мачете – слишком громоздкая херня, и им нужны ножи поудобнее.

– Что-то еще говорили?

– Обещали тебя выебать.

– Ну, это понятно, – киваю я. – У Малика на нас зуб, потому что мы первыми заняли Олд-Лэйн.

– Ладно, – прерывает нас Кемал. – Значит, еще присматриваемся к этим троим.

– Мы идем на сбор завтра днем, – отвечает Роб. – Мак?

– Пойду с вами.

– Скажу Кайфолому, чтобы тоже подтягивался. По дороге поспрашиваю, может, что-то да сболтнет. Он, как видишь, не особо скрытный.

– Остальные двое покрепче, – кивает Мур. – За весь вечер ни слова о прошлых делах.

– И давай называть его по имени, – прошу я. – Погоняло

⁷ Buck 110 – американский складной нож, выпускаемый с 1964 года и считающийся эталоном охотничьих и складных ножей.

отстой.

– Да плевать, главное – ему нравится, – хмурится Роб. – Что, вечером собираемся?

Я едва открываю рот согласиться, как вспоминаю о Лили Пакстон.

– Не, давайте завтра сами, если только ничего не случится. У меня планы. Трис, можешь снова сгонять к Карлу?

– Легко, – с радостью отзывается тот.

– Поузнавай, чем еще затариваются эти ребята. И спроси, чем можем разжиться мы сами. Чувствую, малой кровью не обойдемся.

– У меня что, день рождения? – сияет Тристан. – Мы покупаем огнестрел?

– Нет, первая же перестрелка – и мы в участке. Теперь Мур – надо бы побродить вокруг парка Холбек и Элленд-руд. Потереться, поспрашивать про гараж. Только аккуратно. Сгоняете с Джеем?

– Сделаем, – соглашается за обоих Мур.

Джей кивает.

– Я так понимаю, с нас план? – чиркает спичкой Кемал.

– Да, уже пора, слишком долго тянули. Обсуждать будем все вместе послезавтра.

– Чем ты вдруг занят завтра вечером? – спрашивает Тристан. – Почему бы не собраться в баре или здесь же?

– У него взрослые дела, – отвечает за меня Кемал. – Я тебе потом расскажу, как вырастешь.

– Ты зря решил придумать эту шутку за день до того, как я иду к оружейнику, – опасно щурится тот.

– Ты там почти живешь. Хотел бы – давно пырнул бы.

– Успокойтесь, – вклиниваюсь в перепалку я. – У меня нет секретов, обещал одной девчонке свидание. Как пойдет, не знаю, вот ничего и не планирую.

Мур с улыбкой присвистывает, а Тристан понимающе поднимает одну бровь.

– Из супермаркета?

– Ну да, – пожимаю плечами я. – Сам видел, она напрашивалась.

– Я ей сочувствую, – впервые открывает рот Маккормак. – Наверное, плохо молилась, раз у нее свидание с тобой.

– Ты просто ее не знаешь, – заявляет Джей. – Я бы сочувствовал... Бистону.

Глава 6

Лили

Коттингли Хайтс, 17-й этаж

Ламия освободилась пораньше и теперь отрабатывает новую технику на моей несчастной голове. Она обещает, что я буду выглядеть как Рейчел из «Друзей», но ножницы на тумбе рядом больше пугают, чем вдохновляют.

Бабушка оставила нас в квартире вдвоем и ушла играть в «Бинго» с подружками, что означает одно: вернется поздно, будет пахнуть шерри и тихо плакать в соседней комнате. Даже если я приду со свидания позже нее, скорее всего, смогу избежать скандала.

– Давай отрежем челку, – вдруг предлагает Ламия.

– Нет, – жестко отвечаю я, – ненавижу ее отращивать.

– Зря ты так. Тебе с твоим лбом пойдет асимметричная челка.

– Какая ты хитрая, – откидываюсь назад, – почему себе не отрежешь?

Шуршит фольга, и Ламия тут же с усилием возвращает мою голову на место. Позади слышится недовольное цоканье.

– Сиди ровно. Если не прокрашу тебе затылок, пойдешь на свидание как Пегги Митчелл⁸ с похмелья.

– У нее короткие волосы.

– И у тебя будут, поверь. Видишь ножницы?

Никто и никогда не может выйти из кресла Ламии неидеальным.

– Думаешь, он будет смотреть на мой затылок?

– Как минимум – на задницу.

Ламия издает глубокий вздох, выражающий все ее осуждение моего свидания с Феликсом. Как будто за предыдущие сутки это не было ясно. Они с Люси наперебой пугали меня, и оттого я только больше заинтересовалась.

– Не верь, если начнет что-то обещать. Это Феликс Ниббс, он не заводит отношений.

– Серьезно? Он что?..

– Что?

– Ну... девственник?

– Лили!

– Ты так говоришь, как будто он никогда ни с кем не гулял. Я предположила.

– Не знаю, не проверяла, – отвечает Ламия. – Но сомневаюсь, что это так. И не переводи тему! Я боюсь, что ему нужно будет только одно.

– Ну и отлично, мне тоже нужно от него только одно. Просто это не секс, и мое желание легче осуществить.

⁸ Персонаж британской мыльной оперы EastEnders.

Еще один вздох. Ламия заканчивает терзать мои волосы, и теперь при каждом повороте я шуршу, как шоколадка «Кэд-берри». Так придется провести минут сорок, пока состав не подействует.

– Просто пообещай мне, что будешь с ним осторожной.

– Может, хватит? – Моя очередь вздохнуть. – Ты делаешь из него Синюю Бороду. А это просто обычный бандит, которому стало скучно, и он позвал на свидание девчонку из супермаркета. Или его возбуждает грубость, в любом случае ничего такого. Лучше расскажи про второго.

Ламия надевает мне на голову свою шапку и помахивает сигаретами. Мы выходим на кухню и открываем окно настежь, чтобы покурить.

На улице сегодня тепло, словно лето уже пришло, хотя до него еще несколько дней. Легкий ветерок только добавляет приятной прохлады, и на вечер можно будет, наверное, даже не надевать куртку.

– Какого второго? – забирается на подоконник Ламия.

– Которого ты ненавидишь, – напоминаю я. – Кемал Яхия.

На ее лице ничего не отражается, и это главный знак, что ей не все равно. Ламия затягивается и отворачивается, выдыхая дым в окно. Между нами повисает тишина, но я не сдамся: сама виновата, что так подозрительно себя ведет.

– Там нечего рассказывать.

– Бывший?

– Нет, – закатывает глаза Ламия. – Мы учились в одном

классе, Яхия всегда был умником. Когда несколько лет восхищаешься человеком, а потом видишь, как он пускает весь свой интеллект на криминал, это разочаровывает.

– Но между вами ничего не...

– Ты же знаешь, что не было, – горько произносит она. – Никто в Бистоне и Коттингли даже не пытался за мной ухаживать.

Я действительно знаю. Мне с родителями не повезло, но у Ламии в семье все намного хуже. Диктатура давно устаревших традиций запрещает ей даже появляться в компании парней.

За выполнением этого правила следят двое ее старших братьев, которые всего пару недель назад ослабили контроль за нашими посиделками, убедившись, что на них приходим только мы втроем.

– За мной тоже, – пожимаю плечами я. – У парней в школе яиц не хватит, чтобы попробовать.

Они меня побаиваются, особенно после того, как пришлось хорошенько врезать одному из одноклассников между ног. Нечего было комментировать мою задницу.

– И поэтому ты идешь гулять с Феликсом? – шурится Ламия. – Потому что у него хватило?

– Ну-у, если лидер местной банды окажется таким же тряпочным, что и одноклассники... – Я затягиваюсь, машинально поправляя шуршащую фольгу в волосах. – Считай, Бистон наш.

Ламия так снисходительно улыбается, что умудряется меня взбесить.

– Не веришь, что у нас все получится? – вскидываюсь я.

– В тебя я верю на все двести процентов, – качает головой она. – Дело не в том, получится или нет... Я просто до сих пор не понимаю, зачем это нам.

– Чтобы не стоять до самой старости на ногах, ни в салоне, ни в магазине.

– Я все равно выйду замуж и...

Сердце сжимается, когда я смотрю на сигарету, зажатую меж искривленных в отвращении губ. Тема замужества – самая болезненная для нее. За каждой брошенной фразой Ламии скрывается отчаяние, и становится все сложнее слышать, как оно просачивается сквозь уверенный голос.

Она осталась в старшей школе, чтобы хоть немного оттянуть этот момент. Полтора года надеялась, что сможет поступить в университет и выторговать себе еще капельку свободы, но этой зимой ей нашли жениха.

Я думала, мы что-нибудь придумаем. Но вот уже конец мая, а новых хороших идей никак не появляется.

– Лами... – шепчу я одними губами.

– Забей, – тушит сигарету она. – Я почти смирилась. До зимы подышу, а уже после вы будете без меня.

– Нет, я на такое не согласна. Мы обязаны что-то придумать! У нас куча времени.

– Даже если сбегу, они меня найдут. Я перебрала все ва-

рианты.

– А если ты выйдешь замуж за кого-то другого?

В голову приходит безумная мысль, которая мгновенно начинает мне нравиться.

– Поверь, это еще хуже.

– А может, Кемал... Яхия, да?

– Он мне не нравится.

– Все лучше, чем тот, кого ты не выбрала, – замечаю я.

– Лили, я тебя очень люблю, – Ламия обхватывает руками колени и подтягивает их к подбородку, – но ты не сможешь заставить мою семью передумать. Они никогда не дадут мне свободу.

Это мы еще посмотрим. Я не буду продираться через ее сопротивление сейчас, но если переманить умного парня, который точно нравится Ламии, в свою банду, кто знает? Может, любовь расцветет в самом неожиданном месте.

Мы возвращаемся в комнату, где разливается негромкая музыка. Мне нельзя танцевать – если хоть один кусочек фольги слетит с волос, меня жестоко убьют, – поэтому я падаю в кресло, закидывая ногу на ногу.

Ламия оказывается напротив меня.

– Ты знаешь рыжего Майки, владельца забегаловки у дома? – спрашиваю я.

– Конечно, он живет на четвертом.

– Ему можно доверять?

На лице Ламии отражается все недоверие Англии. В це-

лом ответ понятен.

– Ты меня пугаешь, – вздыхает она. – Сначала соглашаешься на свидание с Ниббсом, а потом начинаешь общаться с еще более скользким типом?

– Он сказал, что достанет мне компьютер с записывателем. Всего за пять сотен.

– По-твоему, это хорошая цена?

– По-моему, отличная, – складываю руки на груди я. – Так-то один только записыватель стоит три.

Что еще за снисходительный тон?!

– Потом полиция найдет паленый диск и начнет выпрашивать, кто бы мог его сделать, а Майки сольет не только твое имя, но и адрес, и время, когда ты бываешь дома, – как ребенку объясняет Ламия. – Если цель твоего бизнеса – побыстренько сесть в тюрьму, идея отличная.

– У меня хоть какая-то есть, – огрызаюсь я. – Вам обоим как будто ничего не надо.

Ее взгляд тут же смягчается, Ламия неловко поджимает губы.

– Мы еще не привыкли к твоей новой идее, – признается она. – Дай нам время.

Вечно с ними так! Любое предложение должно пройти через семь кругов ада, прежде чем Люси прекратит бояться, а Ламия устанет надо мной подшучивать. Даже когда я сказала, что окончательно прощаюсь с идеей поступать в университет и собираюсь выйти на работу, которая сможет хоть

как-то меня прокормить, понадобился целый месяц, чтобы девочки пришли к тому же выводу.

– Можешь тогда хотя бы не смеяться? – прошу я. – Как видишь, я пытаюсь что-нибудь сделать.

– Постараюсь, – виновато обещает та. – Только не покупай ничего у Майки.

В чем-то она права: лучше поискать продавца, который хотя бы не живет с нами в одном доме. Просто пятьсот фунтов звучат слишком хорошо: в магазине подходящее оборудование стоит не меньше тысячи.

Верный знак, что это украдено. И тогда полиция может найти меня еще быстрее.

Черт, целый косарь! Даже пять сотен кажутся огромными деньгами, да и отбить такую сумму будет непросто. Придется работать полными сменами по семь дней в неделю...

– Можешь сгонять со мной в Чапелтаун в выходные? – прошу я. – Там есть рынок...

Ламия не успевает ответить: раздается короткий стук в дверь, которая, впрочем, тут же распаивается.

– Вы тут? – заглядывает Люси. – У меня такие новости, вы умрете!

– Мы умрем и без них, – откликаюсь я, – но с ними интереснее!

Мы с Ламией поворачиваемся в сторону двери. Люси редко бросается такими словами, и я ожидаю настоящую бомбу. Любопытство покалывает у меня в пальцах, заставляет

ерзать в кресле.

– Вы ни за что не поверите, кто сегодня зашел к нам в магазин.

Люси проходит в комнату медленно и торжественно. К моменту, когда она опускается на диван, мы с Ламией уже обе как на иголках. В круглых голубых глазах, обычно или встревоженных, или взволнованных, заметно редкое для них озорство.

– Кто? – не выдерживаю я.

– Угадайте с трех раз.

– Мистер Партридж? – прищуривается Ламия с подозрением. – Я так и знала, что его роман с мисс Ковачевски...

– Нет, конечно, – довольно улыбается Люси. – Зачем ему заходить туда, где его все знают?

Что за чертенок в нее вселился?

– Лили, не трогай волосы, – предупреждает Ламия.

Я отдергиваю руку – не заметила, как попыталась почесать голову. Проклятое желание быть самой красивой на свидании, к которому никто, даже я сама, не относится серьезно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.